

*Посвящается моему мужу Уоррену,
благодаря любви и поддержке которого
стало возможным создание этой книги*

Глава 1

Уорикшир, Англия, апрель 1822 года

При желании вдовствующая графиня Марвуд могла стать грозным врагом. Если кто-то вдруг проявлял дерзость, отказываясь воспринимать ее всерьез, она использовала это в качестве оправдания, чтобы сеять вокруг смуты и раздоры — исключительно ради собственной забавы.

Адам Пенроуз, герцог Страттон, сразу понял, с кем ему придется иметь дело.

По просьбе вдовствующей графини он приехал в загородное поместье ее внука. «Давайте попробуем забыть прошлое, — писала она, — и положим конец давней вражде между нашими семьями».

Адам решил на этот визит из любопытства, ибо не представлял, каким образом графиня собирается осуществить свое намерение. Однако одного взгляда на эту пожилую даму хватило, чтобы понять: ее планы не сулят ему ничего хорошего.

Заставив Адама ждать, графиня переступила порог гостиной лишь спустя полчаса после его приезда.

Она вплыла в комнату подобно флагманскому кораблю. С прямой спиной, горделиво вскинутой головой и полной грудью, она напоминала одну из тех деревянных фигур, коими украшают нос корабля.

Траур по недавно скончавшемуся сыну заставил ее облачиться в платье из черного крепа, стоившее, судя по всему, несколько сот фунтов. Голову графини венчали пышные седые букли — свидетельство ее скорби по канувшей в Лету моде на парики. Взгляд ее больших бледно-голубых глаз критически скользнул по фигуре молодого человека, а губы растянулись в притворной улыбке, отчего морщины, сплошь покрывавшие ее узкое, чуть вытянутое лицо, стали еще заметнее.

— Стало быть, вы вернулись, — произнесла графиня, когда после короткого приветствия она и ее гость опустили в глубокие массивные кресла.

— Да, пришло время.

— Некоторые люди считают, что вам следовало бы это сделать два-три года назад. Или даже раньше.

— Но только не я.

Графиня фыркнула, презрительно выпятив губы, и все ее лицо сморщилось.

— Вы так долго жили во Франции, что выглядите как истинный француз.

— Я и являюсь таковым наполовину, если учесть мое происхождение.

— Как поживает ваша дорогая матушка?

— Она счастлива в Париже. У нее там много друзей.

Графиня вскинула брови и растянула губы в сардонической усмешке.

— Я ничуть не удивлена. Странно, что она до сих пор не женила вас на одной из себе подобных.

— Полагаю, что на роль моей супруги больше подойдет англичанка. А вы как думаете?

— Совершенно с вами согласна. Для вас это будет очень кстати.

Адаму не хотелось обсуждать собственную мать и причины, по которым он стремился к прочному браку.

— Миледи, вы в своем послании упомянули прошлое. Не расскажете об этом подробнее?

Графиня в замешательстве развела руками.

— Наши семьи враждуют так давно, что уже мало кто вспомнит, что послужило тому причиной. Эта вражда совершенно никому не нужна. В конце концов, наши земли расположены по соседству, так что мы вполне могли бы забыть о былых раздорах, если б захотели.

Не в силах вынести столь пренебрежительного отношения к прошлому, Адам поднялся и подошел к высоким окнам гостиной, выходящим на великолепный сад и видневшиеся в отдалении холмы. Особняк и прилегающие к нему земли располагались в расстилавшейся у их подножия долине.

— И как же вы предлагаете уладить наши разногласия? — спросил Адам, пытаясь освободиться от охватившей душу горечи. Графиня прекрасно знала, что послужило причиной недавних разногласий, и наверняка была в курсе той давней истории. И если она признает это, то предложение мира будет звучать в ее устах по меньшей мере странно. «Мы украли ваши земли, жестоко обращались с вашей матерью и довели до смерти отца, но вы должны быть выше этого». Наверное, так прозвучало бы ее предложение заключить мир.

Обернувшись, Адам увидел, что графиня не спускает с него глаз. И казалось, она была чем-то озадачена — как если бы он сделал что-то неожиданное и теперь она никак не могла понять, что бы это значило.

Адам вскинул брови и вопросительно посмотрел на хозяйку дома.

— Я предлагаю уладить наши разногласия старым проверенным способом — так, как это делалось на протяжении многих столетий, — проговорила графиня. — Полагаю, что наши семьи смогут заключить мир и объединиться посредством брака.

Адам с трудом скрыл изумление. Такого поворота он никак не ожидал. Графиня предлагала не просто перемирие, а союз, основанный на очень крепких узах. Союз, который положит конец его попыткам понять, какую роль сыграла семья графини в смерти его отца, и не позволит отомстить в том случае, если его подозрения подтвердятся.

— Осмелюсь предположить, что одним из брачующихся должен выступить я, поскольку у меня нет сестры, которую я мог бы выдать за вашего внука.

— Вы правильно истолковали мои намерения. У моего внука есть сестра, которая идеально вам подходит. Эмилия обладает всеми качествами, которые так нравятся мужчинам, и станет идеальной герцогиней.

— Вы говорите с такой уверенностью... хотя совершенно не знаете, какие именно качества мне по нраву.

— В самом деле? Я, знаете ли, прожила долгую жизнь, научившую меня многому. Моя внучка обладает красотой, грацией и скромностью. К тому же пре-

красно воспитана. Именно эти качества вы, как и все мужчины, цените превыше всего, не так ли?

Очень хотелось добавить еще несколько качеств, которые непременно шокировали бы графиню, однако здравый смысл взял верх. Ведь Адам давно усвоил одну непреложную истину: противник не должен знать ваших истинных намерений — только в этом случае можно выиграть сражение.

— Подобными качествами обладает большинство девушек, — заметил он. — Давайте начистоту, миледи. Что выиграю от этого брака лично я?

— О, как вы прямолинейны... Но я прекрасно вас понимаю. Так вот благодаря этому браку мы станем союзниками. Это выгодно и вам, и нам.

— Беда в том, что мы оба прекрасно знаем: этого не случится. Вы предлагаете мне мир, но ведь ни разу не пытались договориться с моим отцом. Так что с моей стороны было бы глупо игнорировать причины, толкнувшие вас на такой шаг. Принимая же во внимание пересуды о моей жизни во Франции, я пришел к выводу, что вы хотите выгод для своего внука. Но какие выгоды от этого брака получу я?

Графиня прищурилась, и ее морщинистое лицо словно окаменело. Она совершенно не выказывала страха, и Адама поразила ее сила духа. Впрочем, опасность-то грозила не ей.

Поднявшись со своего места, она сказала:

— Давайте выйдем на террасу. Я покажу вам свою внучку. Одного взгляда на нее окажется достаточно, чтобы понять, какую выгоду вы получите.

Адам последовал за графиней на бодрящий апрельский воздух. Раскинувшийся внизу сад напоминал красно-коричневый гобелен с вкраплениями молодой

зелени и яркими пятнами желтых, розовых и лиловых цветов. Адам предположил, что это тюльпаны. Когда он уезжал из Франции, они еще не зацвели.

В тридцати футах от дома, окруженная всем этим тянущимся к солнцу великолепием, сидела девушка. Она сидела на каменной скамье, и Адам заметил в ее руках раскрытую книгу, которую она, однако же, держала так, чтобы спина оставалась прямой. На девушке было бледно-голубое платье — очевидно, сегодня графиня освободила ее от ношения траура. Совсем юная, лет шестнадцати от роду, она казалась очень хорошенькой. Ее белокурые волосы отливали золотом в лучах весеннего солнца, а нежная кремовая кожа и очаровательное личико пленили бы сердце любого мужчины. Добавить к этому богатое приданое — и от женихов не было бы отбоя.

Графиня стояла рядом с Адамом с выражением уверенности на лице. Молодой человек ей не доверял, но это никоим образом не мешало ему восхищаться мастерством, с которым она вела свою партию. К тому же Адам не мог не признать: ее предложение и впрямь сулило ему некоторые преимущества — и вовсе не потому, что девушка оказалась столь хороша. Имя его отца и честь семьи оказались запятнанными настолько, что избавиться от шлейфа сплетен и пересудов помог бы только такой союз, который предлагала ему вдовствующая графиня.

Молодой герцог надолго задумался, и графиня, не мешая ему, терпеливо ждала. Наконец, не выдержав, проговорила:

— Эмилия славится своим мягким нравом, отменным чувством юмора и недюжинным умом. Так что скучать в ее обществе вам не придется.

Очаровательная Эмилия старательно делала вид, что погружена в чтение. Она словно не замечала взиравшего на нее мужчину, хотя расположилась на скамье таким образом, чтобы он мог разглядеть и ее лицо, и фигуру. По этой же причине она не стала накидывать на плечи шаль и не надела шляпку, которая защищала бы кожу от солнечных лучей. Интересно, как долго она сидела в саду в ожидании будущего жениха?

Как ни странно, это очаровательное существо не пробудило в душе Адама каких-либо чувств. Возможно, виной тому был возраст девушки, а также то обстоятельство, что красота и ум никак не могли компенсировать отсутствие твердости духа и силы воли.

Двери распахнулись, и на террасу вышел граф. Высокий и белокурый, он все еще не утратил некоторых черт неуклюжего подростка. Молодой человек бросил на бабуку сердитый взгляд, но та в ответ лишь поджала губы. Очевидно, появление внука никак не входило в ее планы.

Он подошел к Адаму с видом человека, намеревающегося пожать другу руку, однако его порывистое и излишне громкое приветствие свидетельствовало совсем о другом. Теобальд, граф Марвуд, боялся своего гостя. Адам прибыл в Англию две недели назад, и граф оказался далеко не первым, кто реагировал на его появление подобным образом, — репутация герцога была известна, и теперь все вокруг ждали, что он станет вызывать на дуэль каждого, чье поведение покажется ему оскорбительным.

И Адам не пытался никого разуверить. Во-первых, потому что действительно был готов к нескольким дуэлям (это зависело от того, что ему удастся узнать о событиях пятилетней давности). А во-вторых, он считал,

что такие люди, как Марвуд, более уступчивы, когда охвачены страхом.

— Вижу, бабушка уже поделилась с вами своими соображениями относительно будущего моей сестры, — проговорил молодой граф, бросив взгляд на девушку, напоминавшую статую. Они с Эмилией были очень похожи — оба белокурые, очень красивые и юные.

На вид графу было не больше двадцати с небольшим. Слышал ли этот юноша сплетни, отправившие отца Адама в могилу? Скорее всего — да. Об этом свидетельствовал его страх. И это означало лишь одно: подозрения Адама относительно старинных врагов его семьи небеспочвенны.

— Вы склонны ответить согласием? — спросил Марвуд.

— Милорд, прошу простить моего внука, — вмешалась графиня. — Он еще слишком молод и считает нетерпение и пылкие проявления чувств мужской добродетелью.

Марвуд возвел глаза к небесам — словно молил Всевышнего ниспослать ему терпения — и тихо заметил:

— Полагаю, наш гость уже понял, насколько привлекательно может быть для него ваше предложение.

— В целом оно действительно привлекательно, — ответил Адам.

И он не лгал: ведь этот брак позволил бы перевернуть страницу и забыть о прошлом. Адам лишь сейчас подумал о том, что это было бы очень даже неплохо.

Юный граф бросил на бабушку исполненный оптимизма вопросительный взгляд, однако та, соблюдая осторожность, промолчала.

Адам же сосредоточил внимание на девушке в саду. Графиня тем временем отошла в сторону, а ее внук,

напротив, подошел к гостю еще ближе — ему не терпелось завершить сделку, и он явно собирался перечислить все достоинства своей сестры. Краем глаза Адам заметил, как неодобрительно покачала головой графиня при виде такой горячности со стороны внука.

Внезапно внимание Адама привлекло какое-то движение на вершине холма — то было черное пятно, перемахнувшее через толстый ствол поваленного дерева и внезапно остановившееся. В следующее мгновение герцог понял, что перед ним женщина. Восседавшая на вороном коне, в черном одеянии, она внимательно смотрела в сторону дома.

— Кто это? — спросил Адам.

Граф прищурился и сделал вид, будто не узнал всадницу, однако, бросив взгляд на Адама, он понял, что того не проведешь.

— Моя сводная сестра Клара, — тихо сказал Марвуд. — Дочь первой жены отца.

Темное пятно по имени Клара источало такое высокое, что Адам ощущал его даже на расстоянии. Ее конь бил копытами на вершине холма, а сама она взирала на происходящее внизу так, словно перед ней разворачивалось интересное театральное представление.

Адам помнил леди Клару Чезуик. Их официально не представляли друг другу, хотя ее дебют состоялся до его отъезда из Англии. Ясные глаза и живость — именно эти две особенности произвели на Адама неизгладимое впечатление.

— Похоже, траур не мешает ей приятно проводить время, — заметил Адам.

— На это она ответила бы вам, что таким образом отдает дань памяти отцу. Они очень любили выезжать на верховые прогулки вдвоем.

— Но если именно она старшая сестра, то почему мне в жены не предложили ее? — поинтересовался герцог.

Марвуд вопросительно взглянул на бабуку, потом делано улыбнулся.

— Потому что цель этого брака — лишить вас желания меня убить, — неожиданно проговорил граф. — Ведь такое желание у вас, возможно, имеется...

Адам решил не разуверять графа относительно своих намерений: пусть этот щенок поволнуется — и, криво усмехнувшись, пробормотал:

— Марвуд, вы очень меня заинтриговали.

Бросив взгляд на бабуку, граф доверительно зашептал:

— Не хочу, чтобы у вас сложилось превратное мнение о сложившейся ситуации, поэтому буду с вами предельно откровенен. Отец избаловал и испортил мою старшую сестру, позволяя ей развивать в себе качества, совершенно непозволительные для женщины. Он никогда не настаивал на том, чтобы она вышла замуж, и теперь Клара считает, будто это ей ни к чему. Отец оставил ей довольно приличное наследство и поместье с прекрасными фермами. — В голосе графа слышалась горечь. — Милорд, я оказал бы вам медвежью услугу, если бы начал превозносить достоинства той, кто на самом деле — настоящая мегера.

Очевидно, Клара была любимицей покойного графа, и тот наверняка перевернулся бы в гробу, если бы услышал слова своего сына.

— Сколько ей лет?

— Засиделась в девицах. Уже двадцать четыре.

«Что ж, достаточно взрослая, так что скорее всего знает, в чем суть конфликта между нашими семь-

ями, — размышлял Адам. — И наверняка она многое знает, если действительно была любимицей отца».

— Позовите ее сюда. Мне бы хотелось с ней познакомиться.

— Милорд, но вы же не хотите в самом деле...

— Позовите, — перебил герцог. — И велите своей младшей сестре опустить книгу. У нее, должно быть, уже руки затекли.

Марвуд поспешил передать бабке просьбу гостя. Стараясь сохранять спокойствие, графиня подплыла к Адаму.

— Боюсь, вы неправильно меня поняли, милорд. Чтобы этот брак принес удовлетворительный результат, невестой должна стать Эмилия. У Клары безупречный характер, однако она совершенно не подходит мужчине, стремящемуся обрести уют и гармонию в семейной жизни.

— Я всего лишь попросил познакомить меня с леди Кларой. К тому же я еще не дал положительного ответа на ваше предложение, — добавил Адам.

— Перед смертью мой сын очень серьезно обсудил со мной этот союз. Так что я всего лишь выполняю его волю. Он пожелал, чтобы вашей женой стала Эмилия.

— Но, бабушка, он всего лишь хочет с ней познакомиться, — сказал Марвуд и помахал Кларе рукой, приглашая ее вернуться в дом.

Конь под всадницей внезапно перестал перебирать копытами, и было ясно: девушка увидела жест брата. Какое-то время она взирала на людей, находящихся на террасе, затем натянула поводья, и конь взвился на дыбы. У Адама же на мгновение замерло сердце: казалось, всадница вот-вот соскользнет на землю, — но та прекрасно держалась в седле. Несколько секунд спу-